

«ГЕРМАНСКИЙ БОСФОР»: МИССИЯ ЛИМАНА ФОН САНДЕРСА В ОТКЛИКАХ РУССКОЙ ПРЕССЫ

© 2012 Б.С. Котов

Институт всеобщей истории РАН, г.Москва

Поступила в редакцию 22.04.2012

В статье рассматривается реакция российской прессы на отправку в Стамбул германской военной миссии во главе с ген. Лиманом фон Сандерсом зимой 1913-1914 гг. Констатируется, что данная акция берлинского правительства способствовала дальнейшему нарастанию в русском обществе антигерманских настроений в преддверии Первой мировой войны.

Ключевые слова: миссия Лимана фон Сандерса, черноморские проливы, русская пресса, русское общественное мнение, канун Первой мировой войны.

Балканы и территория Османской империи (особенно район проливов и Малая Азия) накануне Первой мировой войны были главным регионом, где сталкивались русские и австро-германские интересы. Соперничество России с Австрией за влияние на Балканском полуострове, постепенно на протяжении XIX века освобождаясь от турецкой гегемонии, продолжалось более полувека (впервые Вена открыто выступила против интересов России во время Крымской войны). С Германией же Россия долгое время не сталкивалась непосредственно на Ближнем Востоке. Германия Бисмарка проводила здесь политику стравливания России, Австро-Венгрии и Англии, извлекая для себя максимальный политический выигрыш.

Ситуация радикально изменилась в конце 1890-х гг., когда статс-секретарь по иностранным делам Бернхард фон Бюлов, выражая устремления германского правящего класса, объявил о переходе к «мировой политике». Германия чувствовала себя уже достаточно сильной для того, чтобы осуществлять на Ближнем Востоке энергичный наступательный курс, нередко противоречивший интересам Петербурга и Лондона. Территория распадающейся Османской империи представлялась Берлину одной из наиболее привлекательных сфер экспансии. «Политики, фабриканты и банкиры Германии эпохи правления Вильгельма II открыли в Османской империи многообещающий рынок, который следовало завоевать средствами *мирного проникновения (penetration pacifique)*»¹, – пишет о методах германской «мировой политики» немецкий историк Ф. Ульрих.

Одним из главных средств «мирного проникновения» в Османскую империю на рубеже XIX-

XX вв. стал активный экспорт в эту страну немецких капиталов. Накануне Первой мировой войны инвестированные в турецкую экономику германские капиталы оценивались в 1 млрд. 242 млн. 346 тыс. марок². Большая их часть была инвестирована в железнодорожное строительство. В 1903 г. турецкий султан Абдул-Хамид II предоставил крупнейшему банку Германии Deutsche Bank концессию на строительство Багдадской железной дороги, которая должна была соединить Константинополь с Персидским заливом. Правящие круги Германской империи стремились с помощью Багдадской железной дороги поставить под свой контроль Малую Азию и Месопотамию и держать под ударом английские позиции в Индии и Египте и русские в Закавказье.

Активно развивалась в начале XX в. внешняя торговля Германии с Османской империей. За 1901-1912 гг. экспорт германских товаров в Турцию (с учетом ее балканских владений) увеличился на 242%. В 1913 г. Германия занимала четвертое место в турецком экспорте (за Англией, Францией и Австро-Венгрией) и третье место в турецком импорте (вслед за Англией и Австро-Венгрией). Хотя в абсолютных цифрах германо-турецкая торговля была еще незначительной (в 1912 г. она оценивалась в 180 млн. марок, составляя менее одного процента всего внешнеторгового оборота Германии), но она имела большие потенциальные возможности для развития³.

Связи двух государств не ограничивались торгово-экономической сферой: еще во времена канцлерства Бисмарка были заложены основы военного сотрудничества между Берлином и Стамбулом. С 1880-х гг. в Турции работала германская военная миссия во главе с генералом Кольмаром фон дер Гольцем. Под его руководством в 1885-95 и 1909-12 гг. происходила реорганизация турецкой армии по немецкому образцу, что, однако, не спасло ее от полного разгрома

Борис Сергеевич Котов, научный сотрудник Отдела новой истории ИВИ РАН, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории. E-mail: bs.kotov@mail.ru

во время первой Балканской войны. После сокрушительных поражений, которые потерпели турки осенью 1912 года во Фракии и Македонии, перед руководством Османской империи встал вопрос о немедленном реформировании армии и усилении военно-морского флота. Младотурецкий комитет «Единение и прогресс», пришедший к власти в 1908 г. в результате низложения султана Абдул-Хамида II, решил обратиться за помощью в деле модернизации армии к стране, с которой турецкие военные были уже давно и тесно связаны, – к Германии.

В мае 1913 г., за неделю до подписания Лондонского мирного договора, который подвел черту под первой Балканской войной, великий визир Махмуд Шевкет-паша официально обратился к императору Вильгельму II с предложением прислать военную миссию для восстановления боеспособности вооруженных сил и обучения командного состава турецких войск.

Немцы, опасавшиеся потери своего преобладающего влияния на берегах Босфора, были весьма обрадованы этим предложением Порты. В Берлине желали расширить обязанности офицеров военной миссии вплоть до назначения их командующими отдельными частями турецкой армии и советниками в турецком генеральном штабе. Активный проводник германского влияния на Ближнем Востоке посол в Стамбуле Ганс Вангенгейм писал о роли турецкой армии в политической жизни империи: «держава, которая контролирует армию, всегда будет в Турции сильнейшей. Никакое враждебное немцам правительство не удержится у власти, если армия будет контролироваться нами»⁴. Таким образом, Берлин ставил перед новой миссией амбициозную цель: занять господствующие позиции в турецких вооруженных силах и тем самым способствовать вовлечению Османской империи в австро-германский блок.

Кроме этой важнейшей цели отправка военных советников в Стамбул должна была восстановить авторитет германского оружия, поколебленный болгарскими, сербскими, греками и черногорцами, разгромившими учеников фон дер Гольца. Тяжелое поражение обученной германскими военными инструкторами турецкой армии было истолковано в Европе как провал немецкой системы военного образования⁵. В этих условиях, «если Берлин не хотел полностью потерять свой престиж, то он должен был выступить с новыми инициативами для того, чтобы сохранить свое влияние в Турции, а по возможности и усилить его»⁶, – указывал на мотивы действий германской дипломатии в данном вопросе видный немецкий историк Ф. Фишер.

Летом 1913 г. начальником миссии, призванной продолжить традиции германо-турецкого

сотрудничества в военной сфере, был назначен командир 22-й дивизии в Касселе генерал-лейтенант Отто Лиман фон Сандерс. В октябре того же года проект договора об отправке военной миссии получил одобрение кайзера, внешнеполитического ведомства Германии и Совета министров Турции. В отличие от предыдущих военных миссий Германии в Османской империи данный договор предусматривал передачу немцам командных функций в некоторых войсковых подразделениях турецкой армии. Так, сам Лиман фон Сандерс должен был возглавить командование 1-м армейским корпусом, дислоцированным в Стамбуле. Этот корпус был самым боеспособным в турецкой армии и должен был стать образцом для проведения военных реформ в остальных ее частях. А.С. Аветян, подробно исследовавший историю конфликта вокруг миссии Сандерса, так оценивал значение новой германской военной миссии на Босфоре: «Генерал Лиман получал эффективную командную власть и мог контролировать положение в турецкой столице и проливах. Это обстоятельство придавало миссии характер большой политической важности»⁷.

4 декабря (21 нояб. по ст. ст.) 1913 г. был опубликован ирадэ (указ) султана Мехмеда V о назначении Лимана фон Сандерса командующим 1-м армейским корпусом и председателем комиссии по реорганизации турецкой армии. Через несколько дней Сандерс прибыл в Турцию и приступил к исполнению своих обязанностей. Передача командования над 1-м армейским корпусом германскому офицеру затрагивала интересы всех великих держав, но в первую очередь России, в течение десятилетий безуспешно стремившейся решить в свою пользу проблему черноморских проливов. Важность проливов для России того времени определялась не только военно-стратегическими, но и экономическими причинами: за десятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне, в среднем 37% всего российского экспорта направлялось южным морским путем через Босфор и Дарданеллы; что же касается такой важной статьи российского вывоза, как пшеница, то здесь цифра достигала уже 75-80%⁸.

Когда стали известны условия пребывания немецкой миссии в Турции, Россия выступила с решительными протестами против расширения полномочий немецких военных инструкторов. Во время своего визита в Берлин в ноябре 1913 г. председатель Совета министров России В.Н. Кокцов предложил перенести местопребывание военной миссии, наделенной командными полномочиями в турецкой армии, из Стамбула в другой город Османской империи (Адрианополь на Балканах или Измир в Малой Азии). Этот компромисс был отвергнут немецкой стороной⁹.

После этого глава российского внешнеполитического ведомства С.Д. Сазонов решил организовать совместное выступление держав Антанты против усиления влияния Германии на Ближнем Востоке. Он предложил Лондону и Парижу выступить в Стамбуле с коллективной нотой протеста и потребовать для стран Тройственного соглашения соответствующих компенсаций. Однако из-за сопротивления британской дипломатии, не желавшей усиления позиций России в этом регионе, пришлось ограничиться лишь бесплодным дипломатическим демаршем: 13 декабря (30 ноября по ст. ст.) 1913 г. российский, английский и французский послы в Турции сделали великому визирю Саиду Халиму, сменившему убитого в июне 1913 г. Махмуда-Шевкета, устный запрос относительно новых функций немецких военных. Как отмечает Ю.В. Лунева, «уверенный в поддержке со стороны Германии, великий визирь резко и решительно отверг возможность всякого компромисса»¹⁰. Более того, он выразил протест против вмешательства держав Антанты во внутренние турецкие дела.

Хотя протесты России были слабо поддержаны англичанами и французами, Берлин в январе 1914 г. пошел на формальную уступку. По поручению статс-секретаря иностранных дел Г. Ягова посол в Стамбуле Г. Вангенгейм разработал план урегулирования конфликта с Россией: он предложил повысить Лимана фон Сандерса в звании и под этим благовидным предлогом освободить его от командования 1-м корпусом. 14 января (1 января по ст. ст.) 1914 г. Вильгельм II произвел Сандерса в генералы от кавалерии, после чего он оставил командование 1-м армейским корпусом, дислоцированным в столице Османской империи. Сандерс был назначен генерал-инспектором турецкой армии, получив от султана Мехмеда V звание мушира (маршала).

Тем самым формально немцами были приняты во внимание требования России, заинтересованной в сохранении контроля над проливами в руках слабой Турецкой империи и недопущении преобладания здесь одной из великих европейских держав. Однако в действительности новое назначение Сандерса только расширило его полномочия, а в сочетании с назначением его ближайшего помощника Бронзарта фон Шеллендорфа заместителем начальника генерального штаба Турции (которым в то время был лидер младотурок Энвер-паша) вырисовывалась четкая картина перехода всей турецкой армии под верховный германский контроль. «Фактически являясь командующим всей турецкой армией, германский генерал отодвигал для России на неопределенное время какие-либо перспективы завладеть Стамбулом и Проливами»¹¹, – отмечает германист Б.М. Туполев.

Внешне российские дипломаты выражали удовлетворение исходом противостояния вокруг миссии Сандерса, однако никто среди высшего руководства страны не питал иллюзий по поводу истинных результатов урегулирования конфликта: было ясно, что формальная уступка немцев не ликвидирует главную опасность для России – опасность политического подчинения всей Османской империи Германии. В Берлине же противодействие России германскому военному проникновению в Турцию было расценено как фактический разрыв отношений между двумя странами. В феврале 1914 г. Вильгельм II начертал на донесении немецкого посла в Санкт-Петербурге Ф. Пурталеса: «Русско-пруссские отношения раз и навсегда мертвы. Мы стали врагами»¹².

Дипломатический конфликт из-за миссии Сандерса не раз становился предметом изучения как отечественных, так и немецких историков¹³. Однако в историографии до сих пор не получила освещения реакция русской прессы на это важное событие. Обращение к анализу периодической печати не случайно. Как отмечает немецкий историк К. Канис, «кризис из-за миссии Лимана вызвал ожесточенную кампанию как в русских, так и в немецких газетах, в ходе которой обе стороны провоцировали друг друга на все более резкие выпады»¹⁴. Пресса обеих стран накаляла и без того взрывоопасную международную обстановку, побуждая правительства России и Германии сохранять неуступчивость в вопросе о проливах и миссии Сандерса, препятствуя тем самым поиску компромиссного решения конфликта.

Кроме того, материалы, появившиеся на страницах как российских, так и иностранных газет, влияли на ход конфиденциальных переговоров Берлина и Петербурга¹⁵, они использовались дипломатами обеих стран в качестве аргументов в политической борьбе вокруг миссии Сандерса. Так, например, получив первые сведения о намерении немецкого правительства отправить в Стамбул военную миссию с командными функциями, С.Д. Сазонов предупредил немецкого посла в России графа Ф. Пурталеса, что данная акция Берлина, как только она получит огласку, вызовет негативную реакцию русской прессы¹⁶. Спустя месяц посол России в Стамбуле М.Н. Гирс в разговоре со своим немецким коллегой Г. Вангенгеймом указывал на тяжелое положение российского правительства, находящегося под давлением возмущенного общественного мнения, которое рассматривает германский шаг как однозначно направленный против России¹⁷.

На Вильгельмштрассе¹⁸ внимательно следили за реакцией русской прессы на отправку в Стамбул германских офицеров¹⁹. В Германии нарастали недовольство и раздражение в связи

с выступлениями российских газет против ее ближневосточной политики. Сам император Вильгельм II не скрывал своего возмущения во время переговоров с В.Н. Коковцовым, прибывшим в столицу Германии в ноябре 1913 г. для выяснения ситуации с миссией Сандерса.

Председатель Совета министров России оставил в мемуарах интересные подробности этой беседы с кайзером. Во время завтрака, на котором кроме Коковцова присутствовал российской посол в Берлине С.Н. Свербеев, император, и без того недовольный заключением в Париже очередного российского займа, предназначенного для строительства стратегических железных дорог в Польше поблизости от немецкой границы, неожиданно обрушился с упреками на российскую прессу. «Неужели у вас не понимают, куда ведет направление вашей печати...Ее нападки на нас и лично на меня не предвещают ничего доброго. Все общественное мнение Германии глубоко возмущено ими...выходки вашей печати, как и французской, становятся просто невыносимыми, они ведут к катастрофе, которую я не смогу предотвратить»²⁰, – воспроизводит его слова Коковцов, свидетельствующий, что уже тогда, более чем за полгода до начала мировой войны, Вильгельм II был убежден в фатальной неизбежности скорого военного столкновения Германии и России.

Итоги борьбы вокруг миссии Сандерса стали одной из главных тем, обсуждавшихся в русской периодической печати в последние месяцы перед началом Первой мировой войны. Русское общество было явно возмущено как бессилием Министерства иностранных дел в отстаивании интересов России на традиционном и самом чувствительном направлении – проливах, так и крайне слабой поддержкой со стороны Франции и Англии, что ставило вопрос о целесообразности для России связывать себя политическими и военными обязательствами с данными державами. При этом подавляющее большинство газет считало урегулирование российско-германского конфликта временным и не отвечающим интересам России, указывая, что дипломатическое противостояние на берегах Босфора двух соперничающих группировок европейских держав еще раз продемонстрировало отсутствие единства в рядах Антанты перед лицом сплоченного австро-германского блока.

«Новое время», одна из наиболее влиятельных российских газет начала XX века, проводившая накануне мировой войны последовательную антигерманскую линию, использовала ситуацию, сложившуюся на Ближнем Востоке, для доказательства враждебности Берлина по отношению к России и необходимости большего сплочения стран Антанты. В статье «Германский

Босфор» в январе 1914 г. газета выражала свое неудовольствие решением вопроса о миссии Сандерса. Она справедливо указывала, что разрешение конфликта привело на самом деле к еще большему усилению влияния немецких военных на армию Османской империи: Лиман фон Сандерс и Бронзарт фон Шеллендорф, освобожденные от командования корпусом и дивизией в Стамбуле, получили повышение в турецкой армии, после чего их роль в принятии решений только возросла. «Новое время» не считало вопрос о миссии Сандерса улаженным сколько-нибудь удовлетворительным для России образом²¹.

Рупор партии конституционных демократов газета «Речь» также рассматривала итоги кризиса как дипломатическое поражение России. Постоянные заклинания Министерства иностранных дел о необходимости поддерживать и дальше традиционную русско-германскую дружбу, по мнению кадетской газеты, только усыпляют бдительность русского общества, которое может быть введено в «величайшее заблуждение». «Речь» предупреждала, что на берегах Босфора разыгрывается «грандиозная мистификация»: каждому турецкому командиру отныне будет придан alter ego в виде немецкого инструктора, формально не обладающего командными правами, но реально направляющего деятельность соответствующего командира. Это хитроумное разделение «командных» и «некомандных» прав немецких офицеров может привести к тому, что «скоро вся турецкая армия окажется реорганизована по этому спасительному способу. Командовать ею будут турецкие фигуранты, но при каждом таком фигуранте будет состоять немецкий “дядька” без “командных прав”, и нас даже заставят считать принятие этой системы “уступкой” со стороны Германии...»²².

Кадеты выражали надежду на то, что пока не поздно «принять “настоящие” меры к ограждению интересов и прав России», для которой еще не все потеряно на Ближнем Востоке, но для этого нужна твердость и последовательность в осуществлении внешнеполитического курса, которых не хватает российской дипломатии. Выступление послов России, Англии и Франции в Стамбуле с устным запросом великому визирю, по мнению главной кадетской газеты, «получает несколько комический характер»²³. И причина этого – в очень слабой поддержке России в данном вопросе партнерами по Антанте. В кризисных ситуациях, таких как отправка в Турцию миссии Сандерса, подобный образ действий размывает Тройственное согласие, ослабляя престиж и позиции всех входящих в него государств.

«Московские ведомости» разделяли точку зрения «Нового времени» и «Речи», также счи-

тая, что решение спора было формальным и привело лишь к расширению полномочий офицеров германской военной миссии. Освобождение генерала Лимана фон Сандерса от командования 1-м корпусом «Московские ведомости» объясняли не давлением России, а внутритурецкой борьбой за власть, а именно желанием военного министра и начальника генерального штаба Энвера контролировать столичный гарнизон. Не обошла вниманием газета и роль русской дипломатии в конфликте, критикуя Министерство иностранных дел за слабость, отсутствие должной энергии в защите интересов России на Ближнем Востоке и неспособность добиться солидарных действий со странами Антанты: «...правительство Германии искусно обошло русскую политику, убедив наших дипломатов в несуществующих своих уступках... Все это не должно было бы ускользнуть от внимания нашей дипломатии, но она почему-то и на этот раз удовольствовалась призраком успеха и позволила торжествовать врагам России»²⁴.

При этом «Московские ведомости» отмечали, что Россия получает очень незначительную поддержку от Франции и Англии в вопросах, касающихся Турции и судьбы проливов, на основании чего газета делала вывод о необходимости для России отказаться от тесной координации своих действий с Парижем и Лондоном и играть на международной арене более самостоятельную роль: «Если у нашей дипломатии нет уверенности в праве требовать такой поддержки, то это показывает, что наше соглашение с друзьями страдает неполнотой, которую необходимо устранить, чтобы она не связывала свободу действий великой монархии»²⁵.

Менее однозначно оценивала итоги дипломатической борьбы вокруг миссии Сандерса газета «Русское слово», отмечавшая, что внешне Турция подчинилась требованиям держав Тройственного соглашения и удалила германского генерала с командной должности в константинопольском гарнизоне. Конечно, немецкие военные и дальше будут играть на берегах Босфора важную политическую роль, однако «с точки зрения борьбы за престиж русской дипломатии удалось нанести чувствительный удар исключительному обаянию немецкого имени в Турции»²⁶. Германское правительство не смогло помешать вмешательству стран Антанты во внутренние дела Турции и отстоять положение своих офицеров в турецкой военной иерархии. Сговорчивость младотурок, вынужденных в конце концов отреагировать на демарш Петербурга, Лондона и Парижа, «Русское слово» связывало с тяжелым финансовым положением Порты, крайне нуждающейся после двух проигранных войн в

большом внешнем займе, получить который можно только во Франции.

Главный орган Союза 17 октября газета «Голос Москвы» связывала миссию Сандерса с грандиозным немецким планом «египтизации» Турции, т.е. превращения остатков Османской империи в такое же полуколониальное владение Германии, каким с 1880-х гг. являлся Египет для Англии²⁷. После присоединения Марокко к французской колониальной империи только территория Турции может предоставить необходимое немцам «жизненное пространство», отмечала газета октябристов. Немцы уже получили преобладающее влияние в Месопотамии и Киликии, т.е. в тех районах, по которым должна пройти линия Багдадской железной дороги. Месопотамия представляет интерес своими природными ресурсами и слабой заселенностью, а контроль над Киликией дает немцам удобную базу для присутствия их флота в Восточном Средиземноморье. Но проблема для Берлина состоит в стратегическом положении этих регионов: окруженные со всех сторон землями, подконтрольными державам Антанты, они могут быть быстро утеряны Германией.

Отсюда, указывал «Голос Москвы», единственный способ обеспечить германские интересы в Турции – не допустить ее развала, создав сильную турецкую армию, находящуюся в безусловном подчинении у Берлина. Миссию Сандерса, нацеленную на превращение турецкой армии в послушное орудие германского генерального штаба, октябристская газета рассматривала как первый шаг на пути низведения Османской империи до уровня полуколониального владения Пруссии. Как только немцы поставят под свой контроль армию, они смогут осуществить переворот и захватить власть в Стамбуле: турецкий султан вынужден будет смириться с переходом реальной власти в руки резидента из Берлина, превратившись таким образом в подобие безвластного египетского хедива при всеильном британском консуле.

Отправка в Стамбул миссии Сандерса и проявившееся при этом нежелание Берлина считаться с важнейшими интересами России негативно отразилось на отношении к Германии русской правой прессы. Консервативные монархические издания, традиционно настроенные прогермански и выступавшие за укрепление русско-германского сотрудничества, в дни дипломатического конфликта из-за миссии Сандерса вынуждены были признать, что германская военная миссия на берегах Босфора является «угрозой жизненным интересам» России, прежде всего ее экономической независимости.

Так, издатель «Гражданина» князь В.П. Мецкерский рассматривал отправку германской

военной миссии в Турцию «как первое действие, предпринятое императором Вильгельмом не только без предварительного соглашения с Россией, но исключительно угрожающее интересам России»²⁸. Тем не менее князь Мещерский выражал надежду, что в наступившем 1914 году удастся преодолеть кризис в русско-германских отношениях. Последнее зависит, по его мнению, от берлинских правящих сфер, которые должны помнить и учитывать в своей деятельности «ту аксиому, что мир с Россиею – одно из главных условий бытия Германии, а война, даже победная, будет для России тяжела, но для Германии может быть началом ее конца»²⁹.

Издававшаяся черносотенным Союзом русского народа во главе с А.И. Дубровиным газета «Русское знамя» указывала на самую тесную связь, существующую между Берлином и младотурецким комитетом «Единение и прогресс». После свержения проанглийского кабинета Кямиль-паши и возвращения младотурок к власти в январе 1913 г. «Германия настолько сблизилась с турецким правительством, что последнее стало ее послушным органом»³⁰. Отправка в Стамбул германских военных, по мнению черносотенцев, предвещает близкий захват немцами Малой Азии и превращение ее в колонию Германии: «Это мирное завоевание Турции германскими офицерами передает фактически власть в Турецкой империи в руки немцев... Все это направлено исключительно против России»³¹.

В отличие от «Гражданина» и «Русского знамени», другое крайне правое издание – газета «Земщина», издававшаяся Союзом русского народа во главе с Н.Е. Марковым, не склонна была драматизировать ситуацию, возникшую вокруг проливов и германской военной миссии. Такая позиция отвечала общей внешнеполитической линии газеты, последовательно выступавшей за самое тесное сближение трех европейских династий – Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов – вплоть до восстановления Союза трех императоров. По мнению главного редактора «Земщины» С.К. Глинки-Янчевского, данная германская акция была направлена не против российских, а против английских интересов на Ближнем Востоке. Во всяком случае, напоминал он, Берлин уже не раз доказывал свое нежелание разрывать отношения с Россией. Поэтому, делал вывод Глинка, очень сомнительно, «чтобы присутствие германских генералов в Константинополе было острием против нас...Германия охотно обосновывается в Константинополе, но не ради того, чтобы нам напасть, а для того, чтобы обеспечить себе движение в Малую Азию и Сирию»³². Редактор «Земщины» предлагал не раздувать антинемецкую истерию и не противодействовать

Германии в малоазиатских вилайетах Турции и в Персии: пусть там столкнутся интересы Лондона и Берлина, а Россия в этом случае сыграет роль *tertius gaudens*³³.

«Земщина», спокойно относившаяся к факту отправки германской миссии в Константинополь, явно выделялась на фоне остальных периодических изданий России того времени, подавляющее большинство которых выражало опасения, что Турция окончательно превращается в полуколонию Германской империи, а черноморские проливы становятся германским Суэцем. «Речь» в разгар конфликта писала, что в случае международных осложнений, касающихся Константинополя и проливов, «судьба этих мировых стратегических пунктов окажется в руках генерала фон Сандерса и его ближайших немецких помощников, действия которых будут направляться не слабыми руками шаткого турецкого правительства, а сильной волей императора Вильгельма»³⁴.

Большинство российских изданий приписывали значительные успехи немцев в расширении своего влияния на Ближнем Востоке искусству и настойчивости германской дипломатии, не боящейся рисковать и играть ва-банк, ставя другие державы перед угрозой войны, которой сама Германия якобы не боится и к которой она якобы полностью готова. Особо российские газеты того времени выделяли роль двух представителей Германии в Османской империи – А.Г. Маршалля фон Биберштейна, в течение пятнадцати лет занимавшего должность посла в Турции, где он сделал очень много для укрепления престижа Германской империи на берегах Босфора, и сменившего его в 1912 г. Г. Вангенгейма. При этом почти всегда дифирамбы дипломатам Тройственного союза сопровождалась в российской прессе критикой дипломатии стран Антанты – пассивной, безынициативной и боязливо отступающей перед смелыми акциями Берлина, Вены и Рима. «Наша дипломатия работает без строго выработанного плана там, где дипломатия Тройственного союза – олицетворенная планомерность и последовательность»³⁵, – писала газета партии прогрессистов «Утро России» в разгар конфликта из-за германской военной миссии. Результат – почти завершенное мирное завоевание Османской империи немцами. «Другие народы ведут войны и льют свою кровь, а Германия приходит после войны и берет себе всю добычу»³⁶, – с нескрываемым раздражением оценивало итоги двух балканских войн и дипломатической борьбы вокруг миссии Сандерса «Новое время».

Конфликт, возникший между Россией и Германией в связи с отправкой в Османскую империю немецкой военной миссии и назначением

главы этой миссии командующим расквартированным в Стамбуле корпусом, был последним дипломатическим кризисом кануна Первой мировой войны. Его значение, по словам А.Дж. Тэйлора, определялось тем, что «прежде Германию и Россию разделяли лишь косвенные противоречия, связанные с Австро-Венгрией; ныне у двух стран впервые в их истории был непосредственный повод для конфликта»³⁷. Он продемонстрировал, что Россия не обладает достаточными политическими и военными ресурсами для того, чтобы помешать другой державе укрепиться в районе черноморских проливов.

Реакция Берлина на протесты России против наделения германских офицеров командными функциями в турецкой армии, «уступки», на которые в конце концов пошло германское правительство и которые больше походили на насмешку, способствовали дальнейшему формированию образа Германии как врага в сознании российского общества накануне мирового вооруженного конфликта за колониальный передел мира. Изучение российской прессы того времени позволяет убедиться, насколько неправ был германский посол в Петербурге Фридрих Пурталес, сообщавший в декабре 1913 г. рейхсканцлеру, что «возбуждение ограничивается очень маленьким кругом и общественное мнение относится к делу в целом прохладно и равнодушно»³⁸. На самом деле почти все ведущие органы российской прессы в период конфликта из-за миссии Сандерса были настроены антигермански, подвергая политику Берлина на Ближнем Востоке жесткой критике.

Поведение лондонского и парижского кабинетов, не оказавших той поддержки, на которую рассчитывали правительство и общественность России, вызвало рост скептических настроений в отношении Антанты даже среди либеральных изданий, всегда выступавших за сохранение Тройственного соглашения как единственного противовеса экспансионистской политике кайзеровской Германии и империи Габсбургов. Постепенно приходило осознание того, что объединение России, Англии и Франции в форме Тройственного соглашения не может служить эффективным противовесом более сплоченному Тройственному союзу. Бессилие Антанты, проявившееся в дни конфликта вокруг миссии Сандерса, оживило среди российских правящих сфер и определенных кругов российского общества идею превращения Антанты в полноценный военный союз, что стало предметом активного обсуждения на страницах российских газет в первой половине 1914 г.

Можно согласиться с А.М. Зайончковским, считавшим, что ожесточенные нападки российской прессы на политику кайзеровской Герма-

нии только препятствовали компромиссному решению спора из-за миссии Сандерса, т.к. еще более затрудняли отступление берлинского кабинета, игравшего ва-банк³⁹. В этих условиях русско-германский дипломатический конфликт зимы 1913-14 гг. приобретал характер борьбы не только за контроль над проливами и Константинополем, но и за престиж на международной арене. Не готовая к военному столкновению с Тройственным союзом и очень слабо поддерживаемая партнерами по Антанте Россия вынуждена была отступить перед германским натиском, но одновременно стало ясно, что это последняя уступка, дальше которой отступать некуда.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ullrich V.* Die nervöse Großmacht 1871-1918. Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs. Frankfurt am Main, 2010. S.201.
- ² *Gutsche W.* Monopole, Staat und Expansion vor 1914. Zum Funktionsmechanismus zwischen Industriemonopolen, Großbanken und Staatsorganen in der Außenpolitik des Deutschen Reiches. 1897 bis Sommer 1914. Berlin, 1986. S.274.
- ³ *Тюлов Б.М.* Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX-начале XX вв. М., 1991. С.92-96.
- ⁴ *Die große Politik der Europäischen Kabinette. 1871-1914.* Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd.38. Berlin, 1927. №15439. S.200.
- ⁵ *Mühlmann C.* Deutschland und die Türkei 1913-14. Die Berufung der deutschen Militärmission nach der Türkei 1913, das deutsch-türkische Bündnis 1914 und der Eintritt der Türkei in den Weltkrieg. Berlin, Grünewald, 1929. S.3.
- ⁶ *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1968. S.483-484.
- ⁷ *Аветян А.С.* Германский империализм на Ближнем Востоке: колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М., 1966. С.64.
- ⁸ Россия и черноморские проливы (XVIII-XX столетия) / Отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатъев. М., 1999. С.254.
- ⁹ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. Т.2 (1903-1919). Париж, 1933. С.208-232.
- ¹⁰ *Лулева Ю.В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907-1914). М., 2010. С.194.
- ¹¹ *Тюлов Б.М.* Происхождение Первой мировой войны // Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С.72.
- ¹² *Die große Politik...* Bd.39. Berlin, 1927. №15841, S.545.
- ¹³ Подробнее о миссии Лимана фон Сандерса в Турции наряду с вышеназванными изданиями см. также: *Лулева Ю.В.* Миссия Лимана фон Сандерса в Константинополе и позиция стран Антанты (1913-1914) // Россия и Германия. Вып.3. М., 2004. С.201-226; *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908-1914). М., 1976. С.207-263; *Canis K.* Der Weg in den Abgrund. Deutsche Außenpolitik 1902-1914. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2011. S.586-610; *Herzfeld H.* Die Liman-Krise und die Politik der Großmächte in der Jahreswende 1913/14 // Berliner Monatshefte. 1933, №9, S.837-858, №10, S.973-

- 993; Kröger M. Letzter Konflikt vor der Katastrophe. Die Liman-von-Sanders-Krise 1913/14 // Vermiedene Kriege / Hrsg. von J. Dülffer, M. Kröger, R. Wippich. München, 1997. S.657-671; Trumpener U. Liman von Sanders and the German-Ottoman Alliance // Journal of Contemporary History. 1966, Vol.1. №4. P.179-192; Wallach J.L. Anatomie einer Militärhilfe. Die preußisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835-1919. Düsseldorf, 1976. S.126-162.
- ¹⁴ Canis K. Op. cit. S.609.
- ¹⁵ О роли французской газеты «Temps», разгласившей содержание секретных российско-германских переговоров об урегулировании конфликта, см.: Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне первой мировой войны. 1908-1914. М., 2007. С.261-265.
- ¹⁶ Сазонов С.Д. Воспоминания. Берлин, 1927. С.142.
- ¹⁷ Die große Politik... Bd.38. №15504, S.279.
- ¹⁸ Улица в Берлине, где находились резиденции важных органов государственной власти Пруссии и Германии. До 1945 г. слово «Вильгельмштрассе» было синонимом германского правительства.
- ¹⁹ Die große Politik... Bd.38, №15483, S.253.
- ²⁰ Коковцов В.Н. Указ. соч. С.225-226.
- ²¹ Новое время. 1914. 9 янв.
- ²² Речь. 1914. 5 янв.
- ²³ Речь. 1913. 5 дек.
- ²⁴ Московские ведомости. 1914. 16 янв.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Русское слово. 1914. 9 янв.
- ²⁷ Голос Москвы. 1914. 15 янв.
- ²⁸ Гражданин. 1914. № 1 (5 янв.).
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Русское знамя. 1914. 11 янв.
- ³¹ Там же.
- ³² Земщина. 1913. 26 нояб.
- ³³ третьего радующегося (лат.)
- ³⁴ Речь. 1913. 17 дек.
- ³⁵ Утро России. 1913. 7 дек.
- ³⁶ Новое время. 1914. 18 янв.
- ³⁷ Тэйлор А. Дж. Борьба за господство в Европе. 1848-1918. М., 1958. С.509.
- ³⁸ Die große Politik... Bd.38, №15483, S.253.
- ³⁹ Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926. С.315.

«THE GERMAN BOSPORUS»: LIMAN VON SANDERS MISSION IN THE RUSSIAN PRESS COMMENTS

© 2012 B.S. Kotov

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article deals with the reaction of the Russian press to sending of the German military mission to Istanbul in winter 1913-1914, headed by General Liman von Sanders. The author stressed that this action of the Berlin Government contributed to the further growth of anti-German sentiments in the Russian society on the eve of the First World War.

Key words: Liman von Sanders mission, the Black sea straits, the Russian press, the Russian public opinion, the eve of the First World War.